

8. Усанов П.В. Будущее денег. Как свободные рынки победят государство. М.: Страта, 2020. 176 с.

9. Фрумкин К.Г. Деньги будущего [Электронный ресурс]. URL: <http://futurologija.ru/texts/dengi-budushhego/> (дата обращения 17.08.2020)

«ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ СМЕРТЬ» БИОПОЛИТИКИ КАК СУММА ТЕХНОЛОГИИ В «ВИДОИЗМЕНЕННОМ УГЛЕРОДЕ» Р. МОРГАНА

Попов Д.В.

Омская академия МВД России,
кафедра философии и политологии, начальник кафедры

В статье на примере мира «Видоизмененного углерода» Р. Морган рассматривается модель общества, в которой биотехнологии достигли физического бессмертия человека. Социальная дифференциация достигает максимума. Мафы (элита иммортального общества) становятся обладателями безграничной власти. Биополитика, проводимая мафами, оборачивается танатополитикой. Мир, достигший бессмертия, рискует обрести окончательную смерть. Смертность оказывается более предпочтительной с точки зрения сохранения человечности, чем биотехнологии вечной жизни.

Ключевые слова: человек, жизнь, смерть, биотехнология, биополитика, танатополитика.

THE REAL DEATH OF BIOPOLITICS AS THE SUM OF TECHNOLOGY IN R. MORGAN'S «ALTERED CARBON»

Popov D.V.

Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Department of Philosophy and Political Science, Head of Department

The article uses the example of the world of «Altered carbon» by R. Morgan to consider a model of society in which biotechnologies have achieved physical immortality of man. Social differentiation reaches its maximum. Meths (the elite of the immortal society) become the owners of unlimited power. Biopolitics, conducted by meths, turns thanatopolitics. A world that has achieved immortality risks ultimate death. Mortality is more preferable from the point of view of preserving humanity than biotechnologies of eternal life.

Key words: human, life, death, biotechnology, biopolitics, thanatopolitics.

Рождение биополитики связано с резким изменением геополитической ситуации в Европе. XVIII в. не знал ни понятия геополитики, ни понятия биополитики, но активно осуществлял обе практики. Вестфальский мир положил начало новой Европе – Европе устойчивых границ, баланса сил, политических сдержек и противовесов – и тем самым сформировал геополитическое пространство, в котором внешнее стало плавно переходить во внутреннее, словно движение по ленте Мёбиуса: внешняя политика стала нуждаться во внутри-политическом подкреплении. Желая произвести респектабельное впечатление на соседей за пределами своих удостоверенных границ – изыски средства развития в пределах своей территории. В итоге сложилась модель правительственного «управленчества» (фр. *gouvernementalité*, М. Фуко), целенаправленно использующая население как резервуар энергии для усиления государства. Худшие разновидности биополитики того времени усилили экстрактивные политические и экономические

социальные институты, лучшие – создали инклюзивные социальные институты. В этом случае власть осознала, что возрастающая отдача от населения, способствующая росту могущества государства, возможна лишь при условии инвестирования в население. Повышение качества жизни населения, стимулирование населения окупается и приносит дивиденды – важное открытие эпохи.

Становление биополитики в XIX в. привело к существенной модернизации государственных институтов, нацеленных на инвестиции в население. Получила развитие экономика, воспринявшая «созидательное разрушение» (Й. Шумпетер) перманентной технологической революции, создавались системы здравоохранения и образования, модернизировался военно-промышленный комплекс, вступивший в гонку вооружений на море, суше и в воздухе, сформировалась первая волна глобализации – по преимуществу экономической интеграции ведущих экономик мира, еще до конца не решивших, какой модели – протекционистской или фритрейдерской – держаться выгоднее.

XX в. стал временем расцвета биополитики. Именно XX в. – эра восстания масс, век толп, эпоха восстания элит – сформировал массовую промышленность, массовую культуру, моду, развитую систему идеократий, средств массовой коммуникации и McWorld – консьюмеристский рай потребления. Детабуирование всего и вся как драйвер экономики, вовлекающей в рыночные отношения то, что раньше не имело шансов быть проданным, сблизил, если верить Ж. Делезу, Ф. Гваттари и Ж. Бодрийяру, мировоззрение обывателя и шизофреника – идеального потребителя, не укорененного в каком-либо дискурсе – серфера на волнах новейшей моды, течений и увлечений.

Биополитика, обернувшись некрополитикой, достигла пика эффективности, основанной на экстрактивности, доведя евгенические эксперименты по стерилизации до inferнальных глубин Коцита лагерей истребления, в которых «голая жизнь» (Дж. Агамбен) человека становилась буквальным ресурсом – второй нефтью – роста могущества тоталитарных монструозных Големов. Некрополитика, закономерно захлебнувшаяся в плазме, в которую обратился распад социальных связей, на стадии танатополитики в припадке аутофагии, пожрав себя, высвободила дух панконсьюмеризма новой волны глобализации, прочно связанной с прогрессом био-, нано- и цифровых технологий. Однако головокружительное развитие капитализма в планетарных масштабах не превратило мир в мирное, устойчивое и счастливое сообщество наций. Мир не объединился, не стал общим домом, одеяло по-прежнему каждый, кто в состоянии, продолжал тянуть на себя.

Несмотря на успехи и перспективы дальнейшего роста, предсказанные научно, в безоблачном небе все чаще стали появляться черные лебеди – поодиночке, попарно, группами и, наконец, стаями. Разразился кризис биополитики. Аксиомы биополитики – необходимость увеличения численности населения, продолжительности жизни, уровня здоровья, образования и потребления, трудоспособности, инициативы и инклюзии в экономические и социальные процессы – неожиданно перестали восприниматься как истины.

Перенаселенность планеты, необходимость экологической ревизии экономики, избыточность и самодостаточность технологии, ограниченность человека в сравнении с алгоритмической точностью машины – все это заставило усомниться в целесообразности конфирмантропных биополитических проектов даже самые человеколюбивые политические союзы.

Что делать: «Заставить жить и позволить умереть» или «заставить умереть или позволить жить»? Длительное время логика биополитики вела в направлении расширения принципа «заставления жить». «Одно из самых крупных изменений в области политического права в XIX веке состояло... в дополнении... старого права верховной власти – заставить умереть или позволить жить – другим, новым правом, которое не уничтожает первое, но проникает в него, понижает его, модифицирует и создает в точности противоположное право... “заставить” жить и “позволить” умереть» [1, с. 254-

255]. Однако неожиданно перманентное чрезвычайное положение (Дж. Агамбен) актуализирует архаичное право суверена на принятие окончательного решения: «Окончательное выражение суверенитета состоит в значительной степени во власти и способности диктовать, кто может жить и кто должен умереть» (в формулировке А. Мбембе) [2, с. 93].

Жить, как жили, или вводить ограничения, закрывать границы, распределять безусловный базовый доход – новейшую и гуманнейшую форму хлебной карточки и даже пайки – в паноптическом гипермаркете Гуглага, в котором средствами гаджетов-палантиров можно рассчитать все до последнего мигранта, зернышка, пикселя и лида? Турбокапитализм (Э. Люттвак, Г.-П. Мартин, Х. Шуманн) или рентное общество, в режиме цифрового тоталитаризма оптимизирующее дистрибуцию невозобновляемых ресурсов и тем самым спасающее человечество от самого себя, готового в опьяняющей гонке перманентной пересборки глобальной деревни поставить на кон собственную жизнь?

Именно к этому Рубикону глобальная технократия подошла в данный момент со всеми своими олигархами, популистами, прекариями, мигрантами, террористами, тучными обывателями, а также разработчиками рецептуры искусственного суперинтеллекта, трансгуманистического иммортализма, наноассемблеров и генетического драйва.

Предположим, что Рубикон пройден. Что случилось дальше?

Один из возможных сценариев описывает Р. Морган в трилогии, которую можно обозначить по названию первой части – «Видоизмененный углерод» (также в трилогию входят «Сломанные Ангелы» и «Пробужденные фурии» [3; 4; 5]). Мир «Видоизмененного углерода» – триумф технологии сохранения жизни. Сознание человека теперь можно поместить в стек, вмонтированный в тело. Эта непрерывно обновляемая резервная копия сознания в высокопрочной упаковке переживет тело, если оно будет повреждено несовместимым с жизнью образом. Стек может быть извлечен из мертвого тела и встроено в другое – ранее принадлежавшее другому рожденному человеку или синтетическое – стандартное или класса luxury для VIP. Можно иметь целое телохранилище на манер шубохранилищ состоятельных помещиков прошлого. Возможно резервное копирование сознания на удаленный носитель в режиме реального времени для того, чтобы не произошло самое страшное событие в этом иммортальном мире – «настоящая (окончательная) смерть» – вызванное воздействием непреодолимой силы окончательное разрушение стека – хранителя загрузки сознания. Рынок предлагает к услугам платежеспособных клиентов расширенные возможности тела. «Прокачка» тела (нейрохимия) дает значительные преимущества в силе, скорости, выносливости, быстроте реакции, «интеллекте тела», заключающего в себе кладезь навыков и скрытых возможностей. Мир «Видоизмененного углерода» предоставляет человеку возможность многократной жизни в различных телах, выбранных на усмотрение платежеспособного клиента по признакам возраста, пола, расы, эстетической привлекательности, физических способностей, сексуального потенциала и особых опций под заказ.

Совершенные биотехнологии тоже имеют изъяны. Например, перенос стека в новое тело болезнен и требует адаптации. Насильственная неокончательная смерть влечет психическую травму, но для этого развита психохирургия. Особые психотехники, которым обучают посланников – специальных агентов Протектората, дипломатическими и военно-полицейскими средствами проводящих политику Земли в колониях, – усиливают когнитивные способности до уровня сверхпроницательности, но сильные мира сего пришли к выводу, что таким не место в их мире.

Пожалуй, главное состоит в том, что мир «Видоизмененного углерода» не только сохранил, но и усилил дефекты социальных систем современности. В этом мире социальная дифференциация доведена до экстремума – власть, богатство, технология и престиж сосредоточены в руках избранной касты – «мафов» (от Мафусаила – одного из

праотцов человечества, прожившего 969 лет), которые правят миром, определяя судьбы правительств, Земли, близких и далеких космических колоний. Мафы не только надежно защищают свои стеки, но и дистанционно дублируют содержание стека в резервную копию, имеют целый «гардероб» синтетических тел-оболочек, используют новейшие достижения биотехнологии, имея привилегированный доступ к ним.

Маф – рантье. В силу незыблемости своего положения маф – «вечно молодой и вечно пьяный» – бесконечно живущий и от века входящий в элиту власти и бизнеса пост-человек имеет привилегированный доступ к технологии, которая открывает двери в мир безграничной власти и богатства. «Превосходство над природой делает ее плоды для человека даром, т.е. тем, что сам человек не произвел, но присвоил» [6, с. 15]. Высокие (даже предельные, «божественные») технологии, доставшиеся человечеству от Древних – погибшей инопланетной цивилизации, многочисленные исправные технические системы которой стали драйвером технологического рывка человечества – были распределены неравномерно, что обеспечило элите эксклюзивный доступ к ресурсу могущества и процветания, окончательно закрепив место людей в социальной иерархии. Мафы – властелины над силами природы, взимающие ренту от своего преимущественного технологического положения. Они находятся над немощью, болезнью, бедностью, преступлением, смертью. Только невероятное стечение обстоятельств или внутри-элитный заговор могут привести к окончательной смерти мафа. «Отношение превосходства, преимущества перед природой (даже господства и подчинения) и есть прообраз всякой ренты» [там же]. Природная рента трансформируется в обществе, когда появляется социальная дифференциация. «При появлении классового расслоения выделяются люди, превосходящие прочих разумом, специфическими умениями (осуществлять принуждение, господствовать) и организацией. Тогда для них прочие люди в той или иной степени превращаются в дары природы» [там же].

Все человечество для мафов – дары природы. Мафы превосходят всех прочих знаниями, «прокачанными» средствами нейробиологии и организацией – своим собственным сообществом – узким кругом тех, кто приватизировал обитаемый космос, превратив его в свою вотчину. «Социальная... рента появляется вследствие неравенства, когда какая-то социальная группа овладевает монополией на какой-либо критически важный ресурс, происходящий из монополии на власть и знание» [6, с. 16]. Мафы монополизировали доступ к самым изощренным и дорогим технологиям. Плод такой монополии – почти безграничные возможности и устойчивое положение элиты. В мире «Видоизмененного углерода» «логика природной ренты, объединяясь с логикой социального расслоения и во многом преобразовываясь в нее, низводит часть людей до положения ресурса, одновременно возвышая другую часть. Так формируются социальные порядки естественного государства, в котором верхушка социальной иерархии живет за счет ренты, обеспечиваемой эксплуатацией и неравенством доступа к ключевым ресурсам. И точно так же как отношения преимущества, господства и подчинения образуют ренты в пределах локального общества, они образуют их и во взаимодействии между странами и национальными экономиками. Тут мы имеем дело с так называемой империалистической рентой... Словом, в ходе истории человечества возникает комплекс тесно переплетенных отношений, в которых одни извлекают и присваивают природные ренты, а другие на том же основании природного (или маскируемого под естественное) превосходства уже из этих последних извлекают ренты социальные» [6, с. 17]. Мафы добились монополии на власть в обитаемом космосе, поэтому мафы – абсолютные рантье, бенефициары, «боги» мира Highest Tech.

Долгая жизнь превращает мафов в сверхлюдей особого свойства. Они выходят «по ту сторону добра и зла», превращаясь в Номо Даemon – циников, ценителей и практиков порока. Мафы, долгожители и гедонисты, с неизбежностью движутся по пути маркиза де Сада. «Во всем его творчестве прослеживается триумф порока и поражение добродетели... Свобода, равенство и даже братство в творчестве Сада прославились и

одновременно с этим извращались. Свобода стала правом на поиск удовольствий с полнейшим презрением к закону, условностям, желаниям других» [7, с. 45]. Баснословное богатство, возможность конструирования и бесконечной модификации собственной телесности, доступность удовольствий, апгрейд которых при помощи биотехнологий вводит в бесконечный цикл новизны / пресыщения, положение по ту сторону закона и морали – все это формирует у мафов крайние формы извращенности, при которых происходит «последовательное уничтожение всех табу, упорядоченный слом всех границ, вплоть до совершения преступления, если того требует удовольствие» [7, с. 46].

Именно порок объединяет мафов, в роскошных укромных уголках высокотехнологичных притонов удовлетворяющих свои «прокачанные» страсти. «Самые подходящие места для секретов и тайн – замки, потому что они отрезаны от внешнего мира» [7, с. 46]. Мафы метафорически и буквально небожители. Их элитные замки располагаются высоко над землей, надежно укрытые высокотехнологичными кольцами охранных систем от постороннего наблюдения. Непрозрачность, власть и наркотическое пристрастие к удовольствию закручивают порочную спираль власти/ порока. «Секс у Сада – это секс без нормы и без внутреннего правила, которое могло бы быть сформулировано исходя из его собственной природы; это секс, подчиненный неограниченному закону власти, которая сама не знает другого закона кроме своего собственного; если ей и случается игры ради предписать себе порядок... этот экзерсис приводит ее лишь к тому, что она становится только чистой точкой суверенной власти, голой и уникальной: неограниченное право всеильной чудовищности. Кровь поглотила секс» [8, с. 169-170].

Непрерывный апгрейд телесности приводит к парадоксальному следствию: человек более не связан определенными границами тела. Тело – эфемерная оболочка, легко заменяемая, а значит, малоценная. «Де Сад выдвигает лозунг свободы для всех, исходя из которого я имею право отдавать собственное тело в пользование другому, но взамен я имею право пользоваться телом другого. Это и есть кантовский императив, вывернутый наизнанку. Дискурс де Сада является дискурсом предельной свободы, в пространстве которой я пользуюсь телом другого так, как захочу. Тело другого становится моделью, на которой проходит испытание моя свобода (при этом то, что думает об этом другой, меня мало волнует). Такая свобода все время порождает насилие, которое подается под знаком свободы» [9, с. 204]. Для мафа тело – заменяемый и ограниченно ценный элемент личности. Потребительское отношение к собственной телесности проецируется на всех, причем в отношении Другого фантазия мафа безгранична, вторжение в чужую телесность не останавливается даже перед намеренным причинением окончательной смерти.

Мораль мафов – анти-мораль де Сада, вывернутая наизнанку кантианская мораль. Человек не цель в себе, а именно и только средство – извлечения прибыли, удовольствия, продления жизни. «Эта анти-мораль находит выражение в своеобразном категорическом императиве: «Примем за универсальную максиму нашего поведения право пользоваться другим, кто бы это ни был, как инструментом собственного удовольствия» [9, с. 204]. Маф – Номо Даemon биоургического рая совершенных биотехнологий – демиург мира казни, совершенной гильотиной «анатоматора», перед лицом которого даже Р.-Ф. Дамьен счел бы себя счастливым («потом запускают рендеринг... Разбирают на части. Заживо. Снимают кожный покров, удаляют плоть, расщепляют кости... медленно потрошат, зажаривают глаза прямо в глазницах. Дробят зубы, рвут нервы... оставляют в живых, пока не закончат. Если видят, что клиент впадает в шок – процесс останавливается. При необходимости вводят медикаменты. Они дают все, что нужно. Кроме болеутоляющего»), непереносимых виртуальных пыток, модифицированного секса, карательных военных спецопераций, после которых остаются горы стеков, подобных горе черепов на картине В.В. Верещагина «Апофеоз войны».

Гора стеков на барахолках земных колоний, где Земля ведет карательные рейды против повстанцев, – еще не потерянных навсегда жизнью, отправляемая как мусор на переработку ради материала, из которого они сделаны – образ смерти биополитики в мире

Номо Даефон. Жизнь, потерявшая ценность, заключена в стек как в карцер, являющийся сердцем тюрьмы (М. Фуко), – в мире, ставшем гигантской пыточной де Сада. Превосходство мафов вырождается в безудержное желание, презиращее границы человечности. Мир Номо Даефон – мир бесконечного падения человека – *inferno*, воплощенный в форме совершенной технократии.

Парадоксальным образом, прогресс биотехнологии формирует какистократию, постепенно замещающую конфирмантропную биополитику негантропной, со временем принимающей черты некрополитики вплоть до крайней ее формы *death-worlds* (миров смерти, А. Мбембе). Во имя своих интересов мафы проводят меритоцид, устраняя конкурентов, способных посягнуть на вечную власть. Окончательный триумф мафов соответствует мумификации человеческой цивилизации, превращающейся в живой труп. Найденные мумифицированные тела марсиан – великих Древних благодетелей землян, одаривших их «божественными технологиями»; мумифицированная в продолжающих вечную техническую жизнь в режиме ожидания технических систем цивилизация Древних – все это находит свое продолжение в мумифицированных при жизни оболочках людей, утративших человечность. Как итог, мир призраков – царство теней под сенью мумий марсиан, своим обликом напоминающих демонов Преисподней.

«Марсианин умер в крике. Крылья отведены назад, за спину. Почти на всю длину они оказались вросшими в материал корпуса и выступали лишь там, где находились двигавшие ими мускулы, шедшие от согнутой спины погибшего существа. Вывернутая в агонии голова, разъявленный клюв и глаза, устремленные в пространство, как кометы... Труп покоился в материале корпуса так, словно утонул в нем, как в трясине... Посмотрев по сторонам, я увидел, что все окружающее пространство наполнено точно такими же фрагментами, и понял наконец, где находился. Корпус корабля вокруг причального порта – весь этот усеянный пузырями ландшафт – представлял собой огромную могилу. Место оказалось гибельной ловушкой, устроенной для тысяч и тысяч марсиан при помощи неведомой субстанции, обрушившейся неизвестно откуда и поглотившей их... Гибнущие в трясине ангелы, бьющие крыльями в последней и отчаянной попытке спастись от катастрофы, захватившей целиком весь их корабль». Древние – цивилизация, достигшая высочайшего уровня технологии, но не справившаяся со своим триумфом. Покорение сил природы для Древних обернулось окончательной смертью их цивилизации. «Боги» превратились в «демонов». Не участь ли застывшего крика ожидает и человечество – наследника Древних?

Одной из парадоксальных фигур мира «Видоизмененного углерода» являются повстанцы планеты Харлан, ведущие борьбу с силами Протектората. Их борьба носит идейный характер. Под предводительством Куэллкрис Фальконер – воина-философа (а может ли в этом мире философ выжить без нейрохимии и навыков посланника?) – повстанцы готовы пойти на окончательную смерть ради того, чтобы человек вновь обрел смертность, лишившись имморталистских расширений биотехнологии. Куэллисты фактически борются за человечность против ее окончательной смерти, олицетворяемой танатополитикой, проводимой мафами. Шокирующей истиной «Видоизмененного углерода» является то, что цивилизация, замахнувшаяся на бессмертие, может обрести уже при своей жизни подлинную смерть, скатившись в мрачное *inferno* совершенной технократии.

Человеку – существу смертному – безусловно, импонирует идея бессмертия. Именно это разгоняет современные исследования в области иммортализма. Но! «Задумайтесь на минутку о себе. Как бы вы себя чувствовали – ученый вы, журналист, повар или футболист, – если бы вашему боссу перевалило за сто лет, он мыслил бы категориями эпохи королевы Виктории, а вам предстояло бы подчиняться ему еще пару десятилетий? В политической сфере последствия могут быть еще более грустными. Что, если Путин будет у власти еще девяносто лет? Если бы люди жили до 150, то в 2016 году Сталин еще правил бы в Москве, бравый в свои 138, Председатель Мао в свои 123 был бы

крепким мужчиной среднего возраста, а принцесса Елизавета сидела бы сложа руки в ожидании трона, еще занятого 121-летним Георгом VI. Ее сыну Чарльзу пришлось бы ждать своей очереди до 2076-го» [10, с. 37-38].

Мир Р. Моргана фантастичен. На данный момент он описывает способ существования человека, недоступный для современной биотехнологии. «Однако вернемся к реальности. Очень сомнительно, что пророчества Курцвейла и ди Грея сбудутся к 2050-му или хотя бы к 2100 году. По моему мнению, надежды на вечную юность пока преждевременны... По правде говоря, современная медицина пока что не продлила отмеренную нам природой жизнь ни на один год. Чего она действительно достигла – это избавила нас от безвременной смерти и подарила нам полноценное существование. Даже если мы победим рак, диабет и другие смертельные недуги, то добьемся лишь того, что все будут жить до девяноста, но никак не до 150 и тем более не до 500» [10, с. 37-38]. Но если физическое бессмертие как результат развития биотехнологии станет возможно, то проблема трансформации биополитики в танатополитику может приобрести реальные очертания.

Мир людей расколот и сейчас, страны-лидеры и страны-аутсайдеры живут в разных вселенных, интересы привилегированных групп существенно отличаются от интересов основной массы населения. Если бы физическое бессмертие стало возможным здесь и сейчас, мир окончательной моральной смерти человечества из «Видоизмененного углерода» мог бы стать явью.

Список литературы

1. Попов Д.В. Кризис реципрокности: трансформация биополитики в некрополитику. *Философия права*. № 1 (88). 2019. С. 91-100.
2. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб., 2005. 312 с.
3. Морган Р. Видоизмененный углерод. М.: АСТ, Люкс, 2005. 640 с.
4. Морган Р. Сломанные ангелы. М.: АСТ, Хранитель, 2007. 541 с.
5. Морган Р. Пробужденные фурии. М.: АСТ, 2018. 600 с.
6. Фишман Л.Г., Мартыянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с.
7. История частной жизни: под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 4: от Великой французской революции до I Мировой войны; под ред. М. Перро / Ален Корбен, Роже-Анри Герран, Кэтрин Холл, Линн Хант, Анна Мартен-Фюжье, Мишель Перро; пер. с фр. О. Панайотти. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 672 с.
8. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.
9. Яркеев А. В. Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект. Екатеринбург, Ижевск: ИФиП УрО РАН, 2018. 286 с.
10. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Юваль Ной Харари; [пер. с англ. А. Андреева]. М.: Синдбад, 2018. 496 с.